

ПИСЬМА ПОМОЩ

ИЗ ПИСЕМ М.Г.

(Тель-Авив, ноябрь
1977 г.)

Дорогие мои!

...Вам я написала и отправила письмо в конце сентября, но вы его, видимо, не получили.... Я много работаю и все время нахожусь в приподнятом творческом состоянии, которое обычно сопутствует тем немногим периодам, когда работается легко. Меня прорвало.... сейчас я делаю графические листы так свободно, как никогда не рисовала. Рассказать о них трудно: это фантазии, рожденные огромным и глубоким впечатлением от Ерусалима. Превосходная бумага различных фактур и оттенков, грифели, пастель, тушь всех цветов — все эти материалы возбуждают аппетит, и я пожираю их жадно. Мне удалось отгородиться от многих назойливых и пустых вещей, которыми была переполнена моя жизнь в тяжелый и сумбурный момент затянувшегося переезда. Тоскую по скульптуре и, видимо, на днях смогу, наконец, заняться ею. Голландская терракота нескольких цветов прекрасного качества и облик стоят не очень дешево, но вполне доступно.

В Т.-А. превосходный Музей современного искусства, где я впервые увидела оригиналы Цадкина, Лишницца, Мура. Музей маленький, но все представленные произведения высочайшего уровня. Цадкин "в жизни" куда богаче, чем в репродукциях, такая музыка! ... Есть у него женский портрет, так и называется "Портрет", — я обшла его вокруг множества раз, переживая рождение каждого ракурса вновь и вновь. Лишницц увеселит и мистичен, а вот Мур каков на репродукциях, таков и наяву, я была разочарована немного. Сейчас две выставки Шагала: в Т.-А. и Иерусалиме. Одну из них я уже видела. Около ста офортов к "Мертвым душам" и столько же к Библии.

Кроме крупных музеев, множество галерей различных уровней и направлений. Есть прекрасные залы, принадлежащие обществу, их сдают как для свадеб, так и для выста-

вор. При таких залах — свои эксперты. Если художника принимают как такового, все работы не просматривают, а дают возможность выставить, что хочешь.

Покупать работы художников принято; если это и мода, то немощная. Коллекционеры и просто любители организуют выставки-продажи в своих просторных квартирах. У меня купили несколько рисунков и предложили сделать выставку в самом богатом районе под Т.-А.. Это между делом, т.к. такая выставка не "делает имени". Готовлюсь же я к первой официальной своей выставке, которая будет, вероятно, месяца через четыре....

Одно из сильнейших впечатлений за последние несколько дней — пустыня, куда мы ездили на экскурсию. Оказывается, пустыня, через которую Моисей вел евреев в Землю Обетованную (на иврите эта фраза звучала бы куда сочнее!) — не песчаные дюны, не ровная песчаная гладь, а горы, да, да, горы песка, фантастические, причудливые, изрезанные богатыми светотенями, напряженные, драматичные, неземные. В пустыне кочуют бедуины. Их фигурны, задрапированные в черную ткань, ослики и верблюды, патриархальный уклад жизни, незбываемые традиции — все это пережило тысячелетия.

Последнее время все чаще задумываюсь над тем, что означает понятие "культура". Толковые словари дают весьма расплывчатые определения. Может быть это та же дистанция, на которую человек отошел от животного? Но были ли культурные народы древности культурными в современном понимании? Уж во всяком случае ни греки, ни римляне, ни галлы. Культурны ли евреи? Культурен ли народ, принесший в Европу книгу, ставшую стержнем европейской цивилизации? "Да", — говорят синагоги Иерусалима; "нет", — говорит толпа....

Ваша М.

(25 мая 1978 г.)

Дорогие мои! Вечность не писала вам. Мое отношение к окружающей действительности столь противоречиво, что

любая мысль, едва занесенная на бумагу, кажется мне легкой. С искусством дела обстоят весьма неожиданно: рисуют и поют все. Казалось бы, чего лучше? Ан нет. В израильском искусстве господствует дилетантизм, грозя поглотить его без остатка. Свобода творчества? Свобода есть безусловно, творчество — гораздо реже. В какой-то газете наткнулась на термин "разнузданная свобода творчества", это недалеко от истины. Едва научившись держать кисть в руке, "художник" устраивает персональную выставку и пытается продать свои работы. Идут дела — продает, нет — бросает. Множество выставок наглы и беспомощны. Однако есть и превосходные художники. Обстановка развращающая для слабых, но очень благоприятная для зрелого мастера (впрочем, как ни парадоксально, и для шарлатана...). Участие в выставке любого уровня — вопрос личной инициативы художника и денег. В стоимость участия входит оплата помещения, свет, страховка и т.д. Можешь устраивать выставки в любой стране, создавать себе любую рекламу, издавать свою монографию, снимать фильм о себе. Потратишься, прогоришь — пеняй на себя.

В январе у меня была персональная выставка в Т.-А., а в апреле я участвовала в большой ярмарке искусства в Иерусалиме. Есть люди, которые понимают и чувствуют то, что я делаю и покупают у меня работы, но немного и... не дорого.

Изобилие неопишущее, соблазнов множество, прекраснейшие книги — все доступно, всегда все есть.

Жить мы будем, вероятно, в пригороде Т.-А.,... хотя мое сердце принадлежит Иерусалиму. "Ершалаим, Ершалаим", — кричат таксисты, как, должно быть, выкрикивали некогда погонщики верблюдов. Т.-А. пишется, стараюсь походить на европейский город....; Иерусалим (провал, нет слов!) — это только Иерусалим, ни на что не похожий святой город трех религий, где синагогальные песни сменяются звоном церковных колоколов. Здесь можно встретить и еврея с пейсами в черном средневековом костюме, и монаха, перепоясанного веревкой, и попа, говорящего на архаичном русском и никогда не видевшего России. Все это лишено и намека на рисовку

или карнавал. Это - Иерусалим. Прекрасный университет и музей, реставрационные работы в старом городе, дома из камня розовато-охристого цвета. Царь Давид издал закон, запрещающий строить Иерусалим из привозного материала. Сейчас этот закон возродили. Город одного цвета с горами, в которых он расположен. Старые стены и остатки древних строений куда более мощны, чем рисовались мне в воображении. Их камни обточены могучей силой разрушения и создания. Они - сама религия. В Иерусалиме легко дышится....

3

28 августа 1978 г.

... В июне у меня была выставка в модной галерее на набережной в Т.-А.. Выставка прошла неплохо, были статьи в прессе, одну работу (лучшую) купил коллекционер с именем. Всего купили восемь работ. Это было бы неплохо, если бы галерея не брала треть с каждой проданной работы, да еще, да еще..... Выставить можно все, что хочешь, если владелец галереи в принципе соглашается с тем, как ты работаешь. Есть галереи разных направлений, с именем, без него, с хорошей и дурной репутацией, коммерческие и т.д. Весной, например, была громадная выставка, где свои коллекции демонстрировали около ста частных галерей со всего мира: Париж, Берлин, Йоганнесбург и т.д. Там можно было увидеть множество подлинников Шагала, Дали, Мура и..... Шемякина. Все продается и перепродается, все доступно, были бы деньги.

Я недавно выполнила работу для издательства: обложки для двух книжек и 12 иллюстраций, обложку и макет для третьей. Работа эта, особенно над третьей книгой, доставила мне удовольствие....

... Легко и успешно складывается карьера у тех русских художников, кто еще в Союзе связал свой отъезд с политическим скандалом и кого уже знали как "нон"-конформиста, "нон"-реалиста, "нон" самого себя. Я же была всегда далека как от той, так и от другой политики.

Чтива на русском языке хоть отбавляй, притом чтива превосходного - еще одна мощная литература, бывшая почти

недоступной. Превосходен неизданный Мандельштам и плох неизданный Булгаков. Зато "Мастер и Маргарита" вдвое толще без купюр, и какое удовольствие прочесть эту вещь здесь, зная, где Иуда свернет от старого города, через базарную площадь, к Масличной горе.....

...Да, чуть не забыла написать, что мы купили машину (в кредит, разумеется), это очень важная штука "за границей", она сильно меняет жизнь, и я это уже к своему удовольствию почувствовала. А. сидит за рулем и справляется с этим отлично....

4

(Июнь 1979 г.)

...Сегодня я получила ваше письмо и к ужасу своему очнулась и осознала, что вынашивала письмо к вам более, чем дочь родную. Время разродиться.

Вашу жизнь я представляю себе прекрасно и, конечно же, помню и улицы, и даже запеки этих улиц, наша же — покрыта для вас туманом, хоть для меня она осязаема и конкретна. Итак... Живем в пригороде Тель-Авива, на берегу Средиземного моря. Лучшее, что есть здесь, это море... Отели, кафе, магазины без счёту, атмосфера курортного местечка, вечнозеленые деревья, не сбрасывающие листья и томлящие своей жизнерадостной зеленью куда более, чем голые стволы и ветви "в середине мая". Зимой ежедневно, одею свитер, гуляю с дочкой по набережной. Зимой пишем отели пусты, а владельцы кафе, единственные посетители своих заведений, gazeют на море, замотавшись вязаными шарфами, которые играют скорее декоративную роль — тепло, солнечно, скучно. Сейчас лето, и днем слишком жарко, по утрам у моря благодать, и мы всем семейством пользуемся — каждым свободным днем, — а их не так много, — чтоб провести на берегу часов-другой....

Разговариваем мы с дочерью по-русски. Русскоязычные родители, желающие сохранить язык, разговаривают с ребенком только по-русски и всячески изолируют дитя от ивритоязычной среды. Результат неизменен: годовал и пяти ребенок блестяще говорит на иврите и с акцентом и коверкая слова — по-русски. Иврит носится в воздухе. Это единственный раз-

говорный язык в Израиле, хоть услышать можно все языки мира. Если бы марсиане заинтересовались тем, что такое человеческий язык, иврит подошел бы более всего для этой цели. Брза на иврите — костяк, обтянутый тугими мускулами без единой капли сала. Язык монументальный и емкий, математически четкий и яркий, лишенный полутонов и нюансов. Уви, рассуждать о языке всегда легче, чем говорить на нем. А. свободно и образно говорит на иврите, я же не могу похвастать своими успехами. Радио, телевидение, деловые и бытовые разговоры, застольная беседа — вот предел моих возможностей.

Русский язык в Израиле — обширнейшая тема. Часто встречаются пожилые люди, пятьдесят лет назад покинувшие Россию и говорящие на чистейшем русском, и молодые, пять лет живущие в Израиле, но разговаривающие с акцентом. Все, что издается в мире на русском языке, можно прочесть, все доступно. Эй-богу, за границу стоит уехать, дабы читать прекрасные русские книги.. Это еще одна богатейшая русская литература, имеющая свои серьезные традиции. Пильняк, Землянин, Брензбург, Вагинов, Гумилев, Мандельштам, Набоков, Булгаков, Платонов, Бродский, Искандер, Битов... К вопросу, как относятся к Вознесенскому. Русскоязычная братия его крепко не любит. Мне попадались острые и безжалостные пародии на него и весьма сокрушительная критика.

С русской литературой значительно легче, чем с "западной". В последней очень трудно сориентироваться. Все, что мы раньше читали и видели, было пропущено через фильтры, хоть и нежелательные, но все же задерживающие горы мусора. Сейчас же — изволь, рейся несем сам и полагайся на свой нюх.

Вы спрашиваете о быте. Его более, чем достаточно. Культура быта, если такой термин возможен, выше, чем та, к которой мы привыкли. Мы живем в просторной трехкомнатной квартире, кроме того есть еще одна комната, которая имеет на иврите специальное название и комнатой не считается, так как одна из стен полностью стеклянная, раздвижная. В этой комнате находится моя мастерская, на всех

окнах жалюзи, днем они почти закрыты, и света, бьющего в щелочки, вполне достаточно, чтобы осветить всю квартиру. Убирать квартиру нелегко: множество окон, дверей, подсобные помещения, два коридорчика. Квартира наша считается весьма скромной и основным ее минусом является район, еще не обжитой и недостроенный. Квартиру пришлось купить. Это один из парадоксов инфляции: плата за квартиру растет стремительно, тогда как сумма выплачиваемого долга не меняется. Да, это единственный путь когда-нибудь добраться до домика, ибо "наследства нет, а мир суров...."

Продукты А. привозит на машине. Обычно это полный багажник на продолжительное время, дабы не тратить драгоценные часы на покупки. Изобилие описать невозможно. Ассортимент значительно превышает разумный. Овощи мы покупаем на рынках, и они, рынки, ей-Богу, стоят того, чтобы о них порассказать. Это переплетение улиц, прилавков, горн-фруктов и овощей, оказавших бы честь лучшей сельскохозяйственной выставке, густые до тошноты запахи пряностей и гниющих фруктов, цветов и солений, гортанные крики продавцов-завывал, толчея, арбузные пирамиды величиной с одноэтажный дом (продолговатые арбузы из Галилеи с сахарной огненной сердцевинкой). Бабушка фламандского типа рубит на куски огромную рыбу, обдавая покупателей вихрем чешуи и брызгами рыбьей крови. Сквозь гам и толчею верткий арабский мальчик, сделанный из полированной бронзы, картинно несет крохотный чистейший поднос с запотевшим стаканчиком ледяной воды и двумя чашечками дымящегося черного кофе. К концу дня прилавки опрокидываются, и машина, похожая на снегоочистительную, заглатывает то, что не успело продаться, но не доживает до завтрашнего утра. Торговцы предпочитают уничтожить товар, но не продать его дешево. И все же базары значительно дешевле магазинов. Магазины... Говорят, их в Т.-А. больше, чем евреев. Крохотные (продавец вынужден стоять у дверей своего заведения с наружной стороны, ибо внутри ему нет места) и огромные, прохладные, роскошные, где тебя проводят со словами вежливой благодарности, даже если ты, ничего не купив, проморочишь голову битый час. Книжные магазины, магазины пластинок.... Уф! Обещала написать про быт и улизнула от него все-таки в книжный магазин.

В письме это сделать легче, чем в жизни....

.... Я лихорадочно напихнулась на глину. Готовлюсь к очередной выставке. Устроить выставку при наличии работ весьма доступно, а вот получить государственный заказ — удел редких счастливиц.

.... Хорошо помню о перипетиях, которые у вас почти неизбежно сопутствуют заказной работе. Как обычно, что столько нервов уходит на сражение с "ветряными мельницами" и что они так густо понатыканы. Здесь же множество проблем негативного характера. Публика столь пресыщена, что задеть ее за живое ничего, кроме цен на бензин, не способно. На одной из выставок я видела забавную серию: портреты, пардон, задницы, выполненные в духе плохого Тулуз-Лотрека. Ну, ходит публика, ну, глазает....

Была я на огромной выставке искусства 60-х годов, привезенной из Берлина и экспонируемой в роскошных и светлых залах Тель-Авивского музея. Прежде всего, выставки такие нацело лишены сладости запретного плода и, поверьте мне, много от этого теряют. Несмотря на богатые коллажи Раушенберга и некоторые остроумные самозаводящиеся конструкции, впечатление опустошающее. Ни одной скульптуры, где решались бы проблемы пластики. Мы вышли из залов — перед входом в музей стоит скульптура Мура, старого знакомого, такая классическая, такая традиционная.....

Есть в Т.-А. потрясающий Музей диаспоры, считающийся одним из интереснейших музеев мира. Сравнить мне его не с чем. Музей, где применены новейшие методы музейного дела, где можно получить богатую информацию по любому интересующему тебя вопросу еврейской истории и культуры. Сценки из еврейской жизни, выполненные с большим вкусом и изяществом. Мир оптических фокусов, звуковых эффектов и чудес.

Вход в музей стоит копейки, а вот в филармонию мы пока ходить не можем — слишком дорого. В Израиль постоянно приезжают музыканты — мировые знаменитости, и билет на их концерты стоит изрядную сумму.

Я написала восемь страниц, и никакого представления о нашей жизни они не дают. Политика, экономика, мудаки —

все эти понятия успели приобрести для нас неожиданный и острый вкус и волнуют они, что греха таить. Мир с Египтом, ненавистный экстремистам всех мастей. Заседания кнессета, походившие на спектакль "12 разгневанных мужчин", поставленный провинциальным, но весьма талантливым режиссером.

Религия — богатейшая область непознанного. Иудаизм лишен внешних эффектов и театральности, столь присущих христианству. Он апеллирует лишь к духу. Но как человечин и мудри праздники и сколько в нем ключей ко множеству проблем общечеловеческого характера. Иудаизм начисто лишен столь отвратительного в религии снобизма, коим заражено возрождающееся православие в России. Увы, все мы, русские евреи, даже самые богатые и яркие личности из нас, отравлены атеизмом и напоминаем циников-резонеров, объясняющих любовь действием желез внутренней секреции...

5

(Март 1980 г.)

...Полиграфия... Рекламные проспекты, вручаемые бесплатно магазинами и фирмами, иллюстрированные журналы — всеми этими поистине чудесами полиграфии наводнена жизнь. Вечером, весь этот яркий мусор валется под ногами. Полиграфия обесценена, но не дешева! Публика так избалована, что плохо изданный альбом она не возьмет в руки, что бы в нем ни печаталось. Книжные магазины являют собой картину такой роскоши, что только дорого изданная книга по искусству может лечь на прилавок. К выставкам художник всегда издает приглашение или листок, или каталог, или и то и другое, раздаваемое бесплатно. Досада-то какая: издавай себе книгу о себе, мечта, но будет она стоить дороже, чем наша квартира...

...В Израиле 60 государственных и муниципальных музеев и 167 частных галерей, число их постоянно колеблется. Приблизительно каждые три недели в галереях открываются новые выставки. Так что не затеряться в этом море полууспехов весьма трудно... Художник в этом мире ничего не должен обществу и свободен делать то, что считает нужным, но и общество свободно ничего ему за это не платить. Поло-

жение художника в израильском обществе ничем абсолютно не отличается от его положения в любой из стран Запада. В Штатах — тысячи частных галерей, во Франции — сотни. О снобизме французского зрителя ходят легенды. Известные израильские художники по полгода живут по Европе, их никогда не застать дома. Имя и деньги открывают перспективы фантастические...

6

(Август 1980 г.)

...Перечитываю письмо: все интересно, любопытно. Живо представляю себе настроения, волнения, даже запахи. Мне кажется, ностальгия — болезнь, миновавшая меня, не коснувшись, — не заволочла, слава Богу, мои глаза мутным сладким туманом. И все же я начинаю ощущать толщу времени. Сегодняшний мой день в его жестокой беспощадной солнечности слишком конкретен, смазывает далекое. Как же я пишу — неверно, если у вас впечатление, что я молодец, много делаю и т.д.! Делаю-то я, возможно, и немало, но толку пока никакого...

Жизнь наша капиталистическая полна скандалов, и все на первой полосе газет, и все гласные, все шумные... Самое крамольное, что я видела — это великолепный светлый зал Тель-Авивского музея... совсем пустой, только в углу — два мешка бетона, вроде бы забытые строителями. Если живописец выставляет чистый холст, то скульптор "выставляет" пустой зал. Правда, идею эту великую (поправела я, а?) сводят на нет яркие группы детей, которые сидят на светло-сером ковре, покрывающем пол, и задают вопросы, от которых душа радуется. Я тихонько пристраиваюсь и слушаю, и потрясает меня, что для них не существует социальной шелухи, запретов, уверток, чепухи, а смотрят они и видят вещь верным глазом. Вот бы нам! Да, да, даже если смотреть не на что, кроме мешков бетона. Но есть и богатые, насыщенные, активные выставки. На одной из них мы бродили с С., теряя друг друга и находя снова в толпе яркой, разряженной, жаркой. Это была выставка Игнация Тумаркина, израильского скульптора.

Для меня письмо к вам — сам по себе акт возвышенный. В письме я ухожу от раздражающего быта, от своих неудач, даже от мусора на улицах... Кроме этого, я делаю "выжимки" из нашей жизни; может быть, они и создают впечатление насыщенного существования. Мы же все мечтаем: ну, еще немножко, и можно будет позволить себе пожить, мальшика подрастает, долги убивают.

Ты просишь писать о "жизни вашей и культурной-вокруг". Как это, черт возьми, характерно для русского интеллигента, ты и представить себе не можешь! Я могу подробно описать культурную жизнь Израиля (картина будет богатой), но если в понятие это я вложу европейский смысл, греш цена моим описаниям. Приходимо ли вам в голову, что то, что есть человек, как он ведет себя в интимной жизни, каков ритм его труда и отдыха и т.д. — это тоже культурная жизнь? (Мне не приходило). И есть люди, для которых эта культура не второстепенна, потому что она связана с религией. Есть и другая культурная жизнь Израиля. Политика и, как отражение ее, журналистика, экономика, социальная жизнь так обнесены и вынесены на всеобщее обозрение, что превращены в грандиозную и захватывающую каждодневную мистерию. Это тоже ошеломляюще ново для советского интеллигента. Я встречала советских евреев, приходивших в ужас и совершенно сбитых с толку тем, что жизнь предлагала им перестать быть ироническими созерцателями и включиться в игру. Вообще советский интеллигент в свободном мире встречает двойное непонимание: его категоричность раздражает, а желание открыть душу кажется окружающим неуместным. Привычка быть в оппозиции к социальному строю выглядит анекдотичной (оппозиция разрешена и даже желательна). И вдруг оказывается, что нет ничего болезненней, чем менять шкалу ценностей. Сакральное слово "культура" становится соломинкой для несчастных.

Есть такое слово в иврите "поколение пустыни". Пришло оно из Пятикнижья Моисеева. Как известно, евреям понадобилось сорок дней, чтобы пересечь Синай и подойти к подступам Земли Обетованной. Но землю эту надобно было завоевать. И вот тогда оказалось, что они предпочитают вернуть-

ся в рабство, ибо вкус пищи из египетских котлов был еще слишком свеж в памяти, и люди эти не перестали быть рабами в душе. Их сил хватало лишь на акт бегства, но не на завоевание страны для себя и детей. В наказание за малодушие им предстояло скитаться в пустыне сорок лет, чтобы вымерло поколение, знавшее сладость рабской пищи. В землю Обетованную вошли лишь их дети, родившиеся в пустыне. Жестокая байка.

Иногда мы чувствуем себя "поколением пустыни". Страшно трудно мне дать вам почувствовать, что же все-таки есть Израиль. Ох, нехватает эпистолярного таланта, напрасно ты меня хвалишь.

Жизнь Израиля пестра и невероятно. Это такой клубок культур и бескультурий! Камень преткновения, гордился увел... (кто больше?!). В общем, пищи для воображения предостаточно.

Демография. Немецкие евреи белобрисы и чопорны, старички и старушки, в жару при галстуках, на руке иногда можно заметить выжженный лагерный номер. В тридцатых-сороковых годах они отстроили Тель-Авив. Есть улицы, чистые и богатые, где в магазинах и кафе слышна немецкая речь (к ивриту глухи поразительно). Выглядят они бездетными. Дети же их чернявы и нехальны (вот уж генетика воистину "женаука и продажная девка империализма"!). Американские молодежь религиозна, — что еще может привлечь ее в Израиль, где уровень жизни ниже, чем в Штатах, бабушки-дедушки из русских-польских еврейских местечек. Французские колонии, арабские страны — самая многочисленная группа. Красивы и ленивы, как левантйские боги, крикливы, неряшливы и добры. Грузинские. Ребята, в жизни не предполагала, что их так много. Целые города грузинских евреев. Патриархальны, религиозны, чадолюбивы (не путать с "трудолюбивы"!). Чехенские. О них непременно рассказывают, как разжигали костры в самолетах, перевозивших их в Израиль, дабы погреться. Было это в 48-м году. С тех пор средний рост увеличился на 20 см. и "завелась" болезнь инфаркт, ранее неизвестная. Я не перечислила и трети, но хватит. Да, чуть не забыла самых главных и самых многочисленных: сабры. Сабраи

называют себя те, кто родился в Израиле. Сабра — кактус, кожа которого покрыта колючками, а мякоть нежная и сладкая. Не знаю, кто придумал это название, но оно весьма соответствует истине. Сабры прямодушны и плохо воспитаны, открыты и добры, начисто лишены комплексов. Во время войны показали себя отважными и лишенными жестокости. Впрочем, они достаточно высоко образованы и..... чертовски обаятельны. Физическая красота. Кстати, наша дочь — сабра. Так вот. —

Сейчас конец июля. Жара изматывающая. К середине дня в воздухе разлит ядовитый дурман. Ночью простыня, накинутая на голое тело, кажется ватным одеялом. Мертвый сезон, галереи закрываются до осени.

Да, сказать, что я хорошо ориентируюсь, можно будет лишь в том случае, если моя выставка не провалится. Если наоборот — где ж моя ориентация? Знаете, чем отличается жизнь художника "здесь" от "там"? Его судьбу не решают собратья. Критика, удача, зритель, финансисты — все, что угодно, но не собратья по ремеслу. Есть еще одна немаловажная особенность: художник (поэт) сам выбирает свой путь. Если "там" необходимо вступить в Союз Худ., получать официальные заказы, заключать договоры и участвовать в выставках (жюриных!), то "здесь" каждый художник выбирает, как ему выставляться, и это страшно важно.

... Хочу рассказать тебе еще об одной черте западного искусства, тобой интуитивно угаданной. Нет деления на декоративно-прикладное искусство, монументальное, станковое и т.д. Если ты художник, плети веревки и решай эти всемирные проблемы, а делаешь чашки, делай их на высоком уровне, но искусством не зови...

Сейчас снова заметна волна интереса к русскому авангарду начала века. Солідные французские журналы от корки до корки посвящены этой теме. Но еще больший бум — никоссовский. Художник оставил огромное наследство. На его выставку, проходящую сейчас в Нью-Йорке, билеты покупают заранее — успех невиданный. Эта выставка, конечно, будет у нас и, очень возможно, что и у вас.

Просматривая американские журналы, нашла рекламу к выставке Ал. Нежданова, но фамилию он сменил на Ней, не

знаю зачем....

— Будем следить, не появится ли фильм "Сталкер". Пусть вас это не удивляет — идет множество советских фильмов, доступны книги, изданные в Союзе, даже газету "Правда" я могу получать, если захочу. Вообще, все, что имеет спрос, легко найти, — так устроено общество потребления. Ох! Потреблять есть что! Многие... потребляют, испытывая прямо-таки сексуальное наслаждение....

7

31 декабря 1980 г.

Дорогие! Пишу Вам в последний день старого года: за окном зеленые листья, а где-то далеко на севере — заснеженная Европа. Новый год Израиль не отмечает: больно на-сищен ритм еврейских праздников, а на Рождество в Вифлее-ме (Бейт Лехем) приезжают христиане со всего света на мессу. Вот и остается Новый год где-то в тени, но для се-бя делаешь все-же заручку.

15 января 1981 г.

Милые наши, все письма и нами и вами получены, ниче-го не потерялось. По этому поводу мы весьма ликovali. Никогда не знаешь, чего ждать от израильской почты: вечно бастуют.

Вот уже более двух месяцев, как вернулась из Фран-ции, а все еще пребываю в состоянии безделья. Объясняю себе это необходимостью осмыслить виденное. Как известно, лень — она изобретательна. Зато много читаю: на иврите (с трудом), французском (свободно), по-русски (с удоволь-ствием). Боюсь, что даже весьма сокращенный перечень впечатлений за последние месяцы будет походить на тури-стический справочник. Впечатления первой величины: музей М.Шагала (Ницца), музей Леже (Сан Поль де Ванс), знамени-тый музей-парк современного искусства Фондасьон Мак (Сан Поль де Ванс), музей Пикассо (Валорис), часовня, декори-рованная Матиссом (Ванс), церковь, расписанная Жаном Кок-то (Вильдефранш), — все это, как вы догадываетесь, юг

Франции, благословенные места, недаром облюбованные художниками: Далее: Лувр и Музей современного искусства (Париж), Центр Ж. Помпиду (Париж), Французские Альпы, целый "кусоч" Италии. Я опускаю десятки наименований, чтоб не наскучить простым перечнем. Да, княжество Монако со знаменитой столицей Монте-Карло. Всего этого неизмеримо много, не впасть бы в путевые заметки.

Во Франции поразителен эффект узнавания. Я уже неоднократно жила здесь, ходила по этим улицам, говорила на языке, понятном и привычном по звучанию, читала вывески и покупала сыр. После трех лет, напряженно прожитых в Израиле, я "вернулась" в Европу. Узнаешь не только страну, но и французов, знаменитую их манеру "жить чтобы жить". Француз талантливо потребляет жизнь: еду и напитки, любовь и искусство. Посади его за "чай румяный, свежий хлеб" — он потеряет не только львиную долю своего оптимизма, но и обаяния. Я застала Францию, взволнованную двумя страстями: "Телятина — говядина" и "неонацисты". Первое — забастовка потребителей, второе — террористические акты фашистского толка. Трудно сказать, что волновало страну больше. В Париже я была предоставлена самой себе, теоретически неплохо знала город и без труда объяснялась. Осенний Париж — это десятки вернисажей и премьер. Самое интересное зрелище — расположившееся в двух музеях "11-ое биеннале современного искусства". Никакой ретроспекции и "Куликовских битв", никаких отделов графики или прикладного искусства. Выразительные средства и материалы: зеркало, резина, магнитофонные записи, телевизоры, солома, фотография, бумага, нейлон, человеческий голос, перевязочные материалы, керамика, тряпки, цинк, фильмы, стекло, избушка, покрытая мхом, камни, веревки, хлеб, запахи, музыкальные инструменты, документы, свечи, деревянные конструкции, ковры, станки, уголь, фиксация процессов производства, формовочные материалы, цветы, действие. Экспонаты часто образуют нечто, что можно лишь отдаленно назвать театральной декорацией, включающей в себя и зафиксированное действие. Язык его неведом. Почти все скульптуры сооружаются на месте. Пространство расположено мастерски и

щедро. Почти во всех работах — элемент курьезности и эпатажа (применяю французские термины). Сам художник (его голос, вещающий с магнитофонной записи, его тело, зафиксированное на киноплёнке) является частью композиций. Элемент нерукотворности, загадки, фокуса. Феерия идей и фантазий. Почти полное отсутствие изобразительности. Волнующее, будоражащее, поражающее зрелище. А ведь за три года каких только выставок я ни насмотрелась.

Лувр. Невольно сравниваешь его с Эрмитажем. Проще, мрачнее, аскетичней. Прекрасные испанцы и помпезные безобразные французы. Вдруг понимаешь, что век французской живописи начался в конце прошлого столетия и кончился смертью Пикассо. Впервые видела карфагенскую мозаику. Античная скульптура выглядит совершенно отлично от эрмитажной из-за принципов реставрации. Знаменитая мраморная Ника Самофракийская темно-охристого цвета, а не белая. И опять узнавание знакомого на каждом шагу. Париж производит впечатление оккупированного города: каждое второе лицо негритянское или монголоидное. Сегодня колонии завоевывают Францию. В отличие от Петербурга Париж не населен, однако, призраками и не мистичен. Признаться вам, что три величайших города, которые мне посчастливилось знать: Петербург, Иерусалим и Париж, — в таком порядке пока и живут в моем воображении.

Альпи. Силюсь подобрать эпитет. Альпи вернее всего назвать "ликующими". Какое-то торжество, сверканье, радость. День рождения В. мы справили в семье моего кузена в его деревянном шале, с трех террас которого видна вершина Монблан. Он показал мне Альпи с высоты птичьего полета (мы прокатились по канатной дороге в кабине). Зрелище не для глаз человеческих: огромные снежные сползны, трещины в глыбах льда и снега, скалы, игрушечные фигурки альпинистов на вершинах скал, но под тобой. Все на фоне ярчайшего неба и залито солнцем. У подножий гор — знаменитые на весь мир курортные местечки, где можно получить от жизни максимум удовольствия, потратив максимум денег. Вообще мои французские впечатления весьма субъективны, ибо я попала если не в богатую, то в весьма состоятель-

ную среду: оригиналы Сезанна на стенах, крахмальные салфетки к столу и т.д. ...

... "Романтические поиски новой книги" - это не про нас. Мы испытываем скорее танталов голод, особенно в книжных магазинах. Впрочем, дороговизна книг и дешевизна автомобилей на Западе - мир. Зато не мир - дороговизна электричества, телефона и т.д. Вот и уходит львиная часть зарплаты на такие удовольствия, вместо того, чтоб покупать книги. Правда, для дочери - покупаем. Последняя книга - "Сказки" Книшвига (Ленинград, 1980) с изящными иллюстрациями Курдова...

Одной из первых книг, прочитанных мной по приезде сюда, была "Мастер и Маргарита" без купюр. Западногерманское издательство весьма остроумно выделило курсивом все изъяты цензурой строки (иногда страницы). Совсем недавно я перечла ее снова. Может быть будет вам интересно, как Булгаков пользуется ивритом. Азавель - черт (одно из самых вульгарных его имен. Входит в состав выражений "иди к черту" и "черт побери"). Абадон - гибель, пропасть. То же же корня глаголы "потерять" и "покончить с собой". Ершалаим - так звучит на иврите имя города. Правильнее - Йерушалаим, но простонародье не произносит так. Га (или Ха) Ноцри - христианин. Нацёрет - Назарет. Ха - артикль. Иешуа - ивритский оригинал имени Иисус. В греческом языке не было звука "ш", при переводе Библии в именах собственных "ш" было заменено на "с". Буква "ш" - единственная, заимствованная Кириллом и Мефодием из ивритского алфавита...

...Но не буду вас больше мучать. Мои высокие рассуждения вовсе не исключают плачевной возможности сказать в разговоре "два нога". Ох, как трудно заставить окружающих поверить в твою интеллигентность, когда говоришь "два нога", а еще труднее на эти "нога" встать, а надо.

Видели несколько превосходных фильмов в Тель-Авиве в Синематеке, среди них "Макбет" Романа Поланского и совершенно грандиозный "Сатирикон" Феллини (по Петронию). К сожалению, уверена, что вы его не посмотрите, потому что его пришлось бы вырезать от первого до последнего

кадра. Многие сцены сделаны как прекрасные сюрреалистические полотна. Кисть художника свободно гуляет по пейзажу и лицам. Поистине, настала эпоха слияния жанров. Да, видела недавно "Нью-Йоркский театр пантомимы" — зрелище не самое высокое....

8

(Февраль 1982 г.)

... На выставке изр. скульпторов были три мои работы... В эмигрантских выставках больше не участвую: они имеют всегда благотворительный оттенок...

Пристрастились к кинематографии и похаживаем в театры. Жаль, что лучшие фильмы сегодняшнего дня вы не увидите. Режиссеры пользуются таким материалом как обнаженное тело и половой акт совершенно свободно, что, впрочем, не имеет ничего общего с порнографией. В этом мире режиссер — хозяин фильма. Оператор — только исполнитель его воли. Селини, например, — великий художник своих фильмов.

Летом ездили в Вифлеем (Бейт Лехем) — городок в горах, святое место христианства. Потрясающая церковь Рождества Христова, на стенах огромные куски сохранившейся мозаики 8-10 веков красоты необычайной: тусклое золото, зелень и бархатный краплек. Мощная колоннада, придающая интерьеру античный оттенок. Тревожное обояние позднего Рима.

Жизнь в Израэле, безусловно, имеет привкус пира во время чумы. "Налетай — подорожало" — так назвал свою статью остроумный журналист. Израэльтяне, наши ровесники, — это те, кто мальчишками прошли войну 67-го года и молодыми людьми — 73-го. У них свой цинизм, свои разочарования и своя боль. Инфантильность, безынициативность, нитье — крепко не в моде.

Как-то мы попали на любопытное представление. Конечно, публичный дом, разные опустившиеся типы, и среди них молодой контуженный солдат (о, Боже...). Он выглядит полным идиотом, рот полуоткрыт, все время попадает в неловные ситуации. Эпизод: у солдата меж растопыренных ног появляется кукла — огромный половой член (кстати, весьма

симпатичное существо), который ведет разговор с хозяином. Болтовня эта кончается тем, что кукла-член взбирается на голову солдату и провозглашает: "На следующей войне я стану твоим надгробным обелиском..." Впрочем, этот политический балаган — ничто по сравнению с тем, который мы пережили не так давно. Я имел в виду парламентские выборы... Свежие новости непременно сногшибательные. Да, в этом месте земного шара так сильно ощущаешь "пульс планеты", что того и гляди, действительно свалишься с ног. Самые мытые и тонкие люди прервут с тобой интеллигентную беседу и включают на полную мощность транзистор: новости. Позвонить кому-то в 9 вечера считается хамством. В это время вся страна смотрит захватывающий спектакль о том, как был прожит день. Израильские — превосходные теле-корреспонденты. Стиль репортажа самым активным образом проникает во все виды искусства. Достоверность, свежесть, острота, для нас зачастую излишние, слишком обнаженные, слишком прямолинейные. Мы ведь привыкли к намекам, недоговоркам, осторожностям, это у нас в крови, мы это почитали в себе, как какую-то особую тонкость, неповторимость. И вдруг оказывается, что это — продукт сов. воспитания. Вот те и на!!! Израильское искусство проникнуто все же великой страстью, и страсть эта — самобичевание. Куда там диктантам-антисемитам! Страна утопает в изобилии, поистине "течет молоком и медом". Попробуйте найти где-нибудь статью о процветающем израильском сельском хозяйстве — лудки, напрасное занятие, не найдете. Кто же станет писать о том, что никому неинтересно?..

Наш ребенок, выросший в атмосфере инфляции: "Мама, я буду покупать, покупать, тратить деньги, чтоб спасти их от смерти". Впрочем, чтоб "спасти деньги от смерти", не обязательно их тратить, можно вложить их в доллары или в акции процветающих (завтра, возможно, разоряющихся) предприятий. Имея деньги, ты можешь устроить выставку в любой стране, издать каталог прекрасного качества, распорядиться своей судьбой широко и со вкусом и, наконец, вкусить свободы, а пока... Пока жизнь моя полна суесть, поисков возможностей и связей, в основном все такого рода

поиски кончаются чем-то вроде: "Выйдешь в люди - заходи"...

Что касается выставки моей, то я надеюсь за год под-
собрать средств, чтоб сделать ее на соответствующем уров-
не: в хорошей галерее и с каталогом. Заказ же закончился,
но еще на стенку не водрузил... Это работа для Хайфы.
Очень высокий рельеф из листовой красной меди с декора-
тивной грубой сваркой. Еще не знаю, как он будет смотреть-
ся в интерьере. Место прекрасное: вестибюль 12-этажного
административного здания...

Р. . Да, в Париже была недавно выставка Володи Макаренко.

9

(Май 1982 г.)

... Что касается наших дел, то рельеф мой уже вод-
ружен на стену и, кажется, весьма удачен. Во всяком слу-
чае, с архитектурой ужился совершенно органично. Открытие
этого здания должно вот-вот состояться. Посмотрим, что
скажет критика...

10

(Январь 1983 г.)

... В августе я... полетела в Италию... В Риме присоеди-
нилась к экскурсии по маршруту: Флоренция, Сиена, Вене-
ция, Падуя, Милан, Верона, Римини. Если и стоит издать
глубокий вздох, то по поводу того, что не бывала я здесь
раньше, в юности, когда была влюблена в итальянское Воз-
рождение. Но это вздох о встрече, которая не произошла,
не состоялась в свое время. Сейчас, глотнув иудейского
зеленья, я часто ловила себя на мысли: да ведь это наши
пророки, да ведь это иллюстрация к нашим легендам. У
итальянцев чувство прекрасного бесспорно превалирует над
здравым смыслом... Красота и природный вкус во всем. Ми-
то всегда мыслили так: вкус - это "мало", вкус - это
изыск. Ничего подобного - изобилие во всем: от еды и до
скульптуры, всего "понатыкано", и, о Боже, какая красо-
та! Пизанская башня - ну чего бы ей падать? Но как она
красиво падает! Или Венеция - неудобно, нездорово, абсурдно
но, но красиво необычайно. Город действительно стоит на

воде совсем не так, как Петербург, нет, дома "растут" прямо из воды. Между ними мостики, спланированные так, что всю Венецию можно обойти посуху. Много пишут о том, что город агонизирует: дворцы не ремонтируются, погружаются в воду, каналы не очищаются, первые этажи заколочены досками. Ночью дома-дворцы погружены во мрак - необитаемы, и вдруг какое-то окно освещено ярко, накрыт стол и под потолком огромная люстра венецианского стекла-мурашки восторга по коже! В Вероне меня ждал сюрприз: старинная площадь была уставлена современной скульптурой. Какое везенье, и где, - в Вероне, "где встречаются нас события". Родиться бы и прожить жизнь во Флоренции или в Падуе, радуясь красоте... Так нет, волочишь по жизни свою судьбу. Больше всего в Италии поразили города, меньше всего - музеи. Вид из окна неизменно превосходил, и во много раз, и стенную живопись, и скульптуру (говорю о музеях, не о соборах). Вид из окон Эрмитажа меня тоже, помню, сильно волновал. Итальянские города поразительно соразмерны с человеком, Иерусалим - с Богом, а Тель-Авив - с обезьяной. Но живем-то мы в Тель-Авиве и, не выезжая в город несколько дней (двадцать минут автобусом), я тоскую по нему и стыжусь своего чувства.

Перескакиваю через многие итальянские впечатления, но не могу не поразиться Микеланджело. Посочувствуем ему - ибо он первый художник, для которого искусство стоит выше веры, и потому он первый современный художник. Его искусство - психоз, мания, всепоглощающая страсть, мука без конца. Да и смотреть его росписи - мука, физическая: тебя скручивает всего, выворачивает шею, подкашивает ноги....

Месяц назад у меня была выставка на вилле при "полузакрытых" дверях. Я сделала много настелов, выставила и все скульптуры. Неожиданно мое кислое коммерческое счастье улыбнулось и поспинались чеки и доллары попеременно с восторгами и охами. За мои вещи "Райский сад" заломила цену, чтоб не повадно было купить - купили все равно три вещи, но с правом за мной взять их на выставку в галерею....

Я все лучше говорю (дважды в неделю курси иврита), понемногу складываются интересные ивритоязычные связи. Вернее, я становлюсь интересней для окружающих, проходят комплексы, вызванные невозможностью легко и транскрированно излагать свои мысли.

11

(7 августа 1984г.)

... Я хочу перевести текст пригласительного билета (на мою выставку).

"Семь душ женщины - скорее эпитафия к выставке, чем ее название. Семь душ, преодолевающие семь барьеров с каждым вдохом. Семь душ - я не имела в виду, что женщина - оборотень, хотя и это не исключено.

Я принадлежу к "поколению пустыни", чьей стопе, однако, привычен городской асфальт.

Моя культура эклектична: фрагменты, обломки и цитаты говорят моему воображению больше, чем целое.

Мир стройных философских учений, счастливых людей и целых вещей чужд мне.

Оболочка этих скульптур из меди разорвана духом, которому "тесно быть запертым".

Выставка была событием для меня, и она принесла именно те плоды, на которые я рассчитывала. Ее посетила масса народу, и я впервые увидела своего зрителя. И этот зритель рассказал мне много интересного о том, что я делаю. Но главным было не это. Меня буквально швырнуло в самую гущу израильского искусства, произошло то, чего я безуспешно добивалась семь лет. Я неизменно встречала со стороны своих коллег вежливо-безразличное отношение. После выставки меня пригласила группа художников очень хорошего уровня участвовать с ними в необычных выставках. Их движение направлено против галерей, дерущих дикие деньги, против снобизма и музейной "чистоты". Мы выезжаем в лес или выходим в парк, привозим с собой не готовые вещи, а идеи и материал. На исполнение - день, завтра приходит

публика. О каждой выставке снимается фильм, большая часть которого посвящается процессу работы, и интервью с участниками. Так что я себя увидела "на экране". Я привезла с собой 30 метров белой ткани (пожертвованной одной владелицей трикотажной фабрики), растянула и закрепила ее под разными углами между двумя ветвистыми деревьями на фоне зеленой травы, моря и белой мечети. Получилось нечто вроде туго наполненных парусов, стаи гигантских птиц из слоновой кости. Все это было наполнено светом, расписано тенями веток и полно очарования того, "что пришло процвести и умереть". И действительно, на третью ночь мой трикотаж исчез бесследно, что, однако, не омрачило моего счастливого настроения.

Через три недели - снова выставка, на этот раз на набережной в Т.-А. Я получила бесценную возможность выставлять то, чем я живу сегодня, а не копить работы, превращая каждую выставку в ретроспекцию...

М.

////////////////